

18+

ДАРЫГИ

КРЕПОСТЬ 40%   ВМЕСТИМОСТЬ 0,5 л

ГОСТ 12712-80

сдп

ДМИТРИЙ КОЛПАКОВ

Дмитрий Витальевич Колпаков

Барыги

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42006027

ISBN 9785449626745

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Начало девяностых годов. Молодой парень, начинающий поэт, устраивается на работу в приемный пункт стеклопосуды. Но он даже не представляет с чем ему придется столкнуться, помимо приема бутылок. Воры, бандиты, шпана, алкоголики и пристальное внимание милиции. Остаться самим собой и не принять чью-либо сторону – об этом данная повесть. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	5
Витька Грек	6
Юлька	18
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Барыги

Дмитрий Витальевич Колпаков

© Дмитрий Витальевич Колпаков, 2019

ISBN 978-5-4496-2674-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Приемный пункт стеклопосуды магазина номер тринадцать находился в подвале девятиэтажного дома по улице Революционной. Вход, обыкновенную обшарпанную дверь, не венчала никакая пояснительная вывеска, но и без нее вся округа знала, что это приемный пункт, в котором, сдав определенное количество посуды, можно было разжиться на хлеб с кефиром или на бутылку водки.

В крайнем случае, на сто спасительных грамм. Протопав десять ступенек вниз, ты оказывался в довольно просторном зале-предбаннике, где, дождавшись своей очереди, наконец-то попадал к заветному окошку, в котором угадывалась морда приемщика. Злобно-похмельная Мишки Баймакова или равнодушно-трезвая Витьки Горева. Приемка работала без выходных, две недели одна смена, две недели другая. В тот день была смена Витьки Горева. Он стоял, небрежно облокотившись на пыльный стол, заменявший прилавок, и задумчиво смотрел в пространство. В двух шагах слева, на перевернутом водочном ящике в черном рабочем халате и с сигаретой в нервных пальцах сидел парень двадцати трех лет. Это был я. – Здорово, Димон!

Витька Грек

Виктор Горев, по кличке Витька Грек, на самом деле греком не был. Он был метисом полукровкой.

– Отец у меня русский, а вот мать гречанка, – говорил он. И это было похоже на правду. Если судить по его носу и волнистым с проседью волосам, греческая кровь в нем присутствовала. Роста он был небольшого, телосложения плотного, лет ему было тридцать семь. Когда я появился в этом бутылочном шалмане, Витька дорабатывал там уже восьмой год, чем и гордился. Гордился как-то по-детски.

– Меня вся округа знает, – говорил он со значением, И действительно, восемь из десяти клиентов знали его имя, пять из десяти кличку, а некоторые даже отчество. Грек процветал. Процветал настолько, насколько может процветать приемщик стеклопосуды. У него был мотоцикл Ява, две жены (Одна официальная, другая гражданская), четверо детей, кот и собака.

У него были деньги. Нет, не зарплата, хотя конечно была и она, а деньги, которые он делал за восемь рабочих часов. Калым, навар, куражи. Названий было много, а суть одна – набитый купюрами карман к концу дня. Меня много раз спрашивали, как можно делать деньги на какой-то посуде? Раньше я старался отмалчиваться, дабы не раскрывать секретов стеклянной братии, теперь же могу рассказать. Поче-

му? Да потому, что обмельчала, а то и совсем повывелась каста приемщиков. Посуду сейчас принимают на каждом углу, прямо на улицах. Прямо под открытым небом, среди полупустых ящичков торчат какие-то сопляки и соплячки, похожие на воробьев, склевывающих скудные крошки с грязных мостовых, а в приемных пунктах, изрядно обветшалых и утративших былую мощь, вместо уверенных в себе мужчин работают, как просят милостыню, бесцветные бабенки предпенсионного возраста. Тьфу!

У Грека было три способа делать деньги из ничего. Какой из них проще и надежней судить тебе.

Способ первый.

Представь себе такую картину. Сдаешь ты десятка полтора бутылок. Все чин по чину. Грек выстраивает их в ряд и придиричиво осматривает горлышко каждой.

– Вот эта отколотая – вдруг объявляет Грек и возвращает одну из бутылок.

– Да оставь ее себе – говоришь ты, утомленный очередью и компанией, из которой эта очередь состоит. А состоит она из пенсионеров и алкоголиков на грани нервного срыва.

– А я ее куда дену? – недовольно бурчит Грек.

– Ну, убери ее куда-нибудь – предлагаешь ты и, получив деньги, спешишь по своим делам. Вот и все. Вроде все почестному, за исключением того, что бутылка с отколотым горлышком была тебе ловко подсунута взамен твоей нормальной. В результате бракованная бутылка возвращается

на исходные позиции, а нормальная в доход приемщика. Бывает, конечно, что бракованную бутылку забирают, но это бывает редко, кому охота с ней таскаться.

А разбить ее об голову приемщика не хватает ума, а скорее всего здоровья. На моей памяти, правда, один попытался доказать, что все бутылки у него были нормальные, дескать, он сам их несколько раз проверял. Его упрямство дорого ему обошлось. Витька Грек жестоко наказал строптивого. Он самолично сложил выставленные бутылки обратно в рюкзак и так шарахнул им об стену, что пол – очереди как ветром сдуло. У них начисто пропала охота сдавать посуду. Вторая оставшаяся половина решила не спорить и сдаться на милость приемщика.

– А теперь с тобой – проговорил Грек, поворачиваясь к хозяину рюкзака.

Но того и след простыл. Надо сказать, что Греку за этот проступок пришлось ответить. Потерпевший пожаловался в администрацию магазина, администрация, в свою очередь, приказала Витьке купить новый рюкзак и извиниться. Извиниться он не извинился, но рюкзак все же купил и долго потом пучил свои возмущенные глаза. Но я отвлекся. Итак, способ второй.

Витька Грек, впрочем, как и все уважающие себя приемщики, был психологом, правда, психологом узкого профиля. Ему было достаточно одного взгляда, чтобы определить, можно обсчитывать этого человека или нельзя. С первого

взгляда он вычислял тех, кто пересчитывал свои бутылки и точно знает их количество, а кто просто покидал их в сумку и, не торопясь, пошел от них избавляться. Первым Витка отдавал все до копейки, вторых обсчитывал на одну – две бутылки. И те и другие были довольны. С людьми выпивающими дело обстояло еще проще. Грек обсчитывал их в открытую. Они это видели и не были против. Правда, бывали исключения

– Витёк! У меня здесь ровно на поправиться – бывало хрипел какой-нибудь похмельный – посчитай по человече.

И надо отдать должное, такого кадра Грек не обманывал. Он знал, что такое похмелье, и фашистом не был.

Третий способ добывания денег больше походил на вымогательство и назывался «нет тары»

Не помню, чтобы в девяностых годах прошлого века не хватало тары. Но бывает, захандрит, заскучает или просто устанет приемщик, и тогда ящики прячутся, грузчик бежит за водкой, а на двери появляется рушащая надежды вывеска «нет тары». Приемный пункт при этом не закрывается. Приемщик с грузчиком выпивают, играют в карты, клиенты гогосят на разные лады.

– Хозяин! – слышим мы голос одного из клиентов.

– Хозяин в зоне – спокойно отвечает Грек, не отрываясь от карт.

– Брат!

– Что-то не похож ты на моего брата.

– Прими посуду.

– Ты читать умеешь?

– Умею.

– «нет тары» читал?

– Ну прими за полцены хотя бы.

– Во что я тебе приму, себе в карман?

– Прими, на хлеб не хватает.

– Знаю я твой хлеб.

– За полцены, брат. Прими, пока никого нет.

– Достал – крихтит Грек и устало поднимается, – Давай сюда свой баул.

Бутылки демонстративно выставляются на пол, отсчитываются деньги, и счастливый сдатчик убегает прочь. Это был диалог Грека с бродягой-алкоголиком. С людьми посolidней Грек разговаривал, конечно же, по-другому, но к какому бы из слоев общества не принадлежал клиент, результат был один и тот же. Посуда уходила за полцены. Вот и весь способ номер три. А чтобы Витька Грек не показался тебе совсем уж законченным негодяем, от себя добавлю, что он никогда не обманывал старух (кроме тех, кто торговал водкой по ночам), стариков с орденскими планками, – у них он принимал посуду даже тогда, когда тары действительно не было, и детей. Вот так вот жил и работал Витька Грек. Я был в его смене на должности грузчика. Но все хорошее или плохое когда-нибудь кончается.

Тот день я запомнил, хотя начинался он как обычно. Грек

в поте лица манипулировал бутылками, улучшая свое благосостояние, я сидел на ящике, курил и периодически оттачивал наполнившуюся тару, а чтобы совсем уж не отупеть от монотонности, кропал в уме стишки.

Я рыжий муравей.
Я целый день в работе.
Не хмурь своих бровей.
Что я в пыли и в поте.
Простите, мисс, в поту.
Нелепая ошибка.
С сигаркою во рту,
С рассеянной улыбкой.
Гружу и волоку
В три раза больше веса.
А ты кровь к молоку,
Рисуешься принцессой.
Скривив на мой куплет
Губенки цвета вишни,
Бросаешь: «И поэт,
И грузчик никудышный»

– Привет! – услышал я сквозь пелену мыслей и, вздрогнув, поднял глаза. В дверях стоял Валерка Буныга, местный бандит.

– Тебя нам только не хватало – мелькнуло у меня в голове вместо приветствия,

– черт мордастый.

Буныга был старше меня лет на пять, на шесть. Внешность у него была такая, что даже слепой за километр мог определить: «бандит» Был он толстоморд, быковат, золотозуб. Ходил всегда в спортивном костюме, хотя к спорту отношение имел самое отдаленное. Просто от природы был здоровым. Недалеким тоже был от природы. Грек Буныгу побаивался, и Буныга это видел, поэтому разводка его была проста и однообразна.

– Витек, – шептал он, – братва на тебя зуб имеет, грозитя разбором.

И видя бледнеющее Витькино лицо, добавлял:

– Но ты не ссы, я за тебя сказал слово. Дай на литр.

Грек давал на пол-литра. Он был скуп, и боязнь потерять копейку, была гораздо больше боязни какой-то мифической братвы. Но в этот раз все было по другому. Пошептавшись в соседней комнате и не получив ничего, Буныга вышел из приемки, окинув меня злым взглядом.

– Чего это он? – спросил я у Грека.

– Не знаю. – пожал Грек плечами.

Лишь год спустя от Славки Стакана я узнал, что мутит этот полукровка – приемщик за моей спиной.

– Ты вот все Грека вспоминаешь – укорил меня как-то пьяный Славка,

– а не знаешь ни хрена, как он втемную тебя использовал.

– Это как это, интересно? – любопытствовал я.

– Он всем говорил, что ты племянник директора магазина

и стучишь ей.

У меня отвисла челюсть от удивления.

– Зачем!?

– Чтобы денег никому не давать, чтобы бухнуть в приемку никто не заходил.

– А что же ты, мудака старый, ничего мне не говорил?

– Так я же тебя не знал тогда, поэтому и поверил. Это уже потом... Ты не думай, я ему это в глаза скажу, пусть только появится.

После ухода Буныги, особенно после его взгляда, у меня появилось какое-то беспокойство. Я даже предложил Греку закрыться пораньше, но жадный Грек отказался. Вот жадность фраера и сгубила. Примерно в половине шестого вечера услышали мы громкий топот и крики.

– Это кто такой борзый? – начал было Витька, но тут же заткнулся.

В предбанник с видом разъяренных команчей влетело шесть человек. Буныга был седьмым и, похоже, вождем.

– Открывай, сука! – заорал один и пнул дверь ногой.

– Дима, открой – прошептал Грек побелевшими губами.

Я открыл дверь и дружная толпа ввалилась в приемку. В глазах зарябило от зоновских татуировок. Двое сходу кинулись к Греку и прижали его к стене. Третий, пожилой и тощий, подлетел ко мне.

– А ну-ка поддержи, пацан. – Он снял с себя куртку и протянул ее мне. Словно загипнотизированный, я взял его ко-

жанку. В тот момент я мало что соображал. В голове моей вертелось одно слово «конец» Только грубее и матершиннее.

Тем временем пожилой подошел к Греку и вкрадчиво спросил:

– Бутылки принимаем?

– Принимаем – ответил Грек машинально.

Было видно, что он ошарашен, подавлен и смят. От сильного, уверенного в себе Грека ничего не осталось.

– Падла! А братве на пузырь зажал, сука! – пожилой замахнулся, но не ударил. Грек наконец-то понял, с чего это вдруг он попал в такую немилость.

– Валера! – закричал он.

Но Буныга его как бы не слышал. Он увлеченно разговаривал с одним из налетчиков и всем своим видом показывал, что к этому не имеет никакого отношения. Еще двое совсем молодых пацанов, один побольше, другой поменьше, покрутившись по приемке вдруг исчезли.

«Пятеро осталось» – я зачем-то вел счет.

– Эй ты, ну-ка подойди сюда! – крикнул вдруг Буныгин собеседник и я понял, что это мне.

– Не нравится мне твоя рожа – заявил он, когда я подошел.

– Какая есть, другой не будет.

– Ты чем-то недоволен?

– Да нет, так-то всем доволен.

Зацепиться было не за что, но он нашел выход. Под халатом у меня была тельняшка, и это навело его на мысль.

– Ты случайно не «афганец»?

Видно наличие тельняшки у него ассоциировалось с войнами интернационалистами.

– Нет, не «афганец»

– А то, бля, смотри, я вчера одного «афганца» урыл.

Я скептически осмотрел его неказистую фигуру. Он перехватил мой взгляд.

– Чего уставился? Ты знаешь, что я тебе шею могу сломать вот этой ладонью? – распалая сам себя, заорал он и поднес татуированный кулак к моему носу.

– Или ты не веришь?

– Верю. – ответил я, хотя не поверил нисколько.

В другое время и в другом месте, я бы без особого труда сломал его синюю клешню, но не в моем положении было геройствовать.

Мой ответ его, видно, удовлетворил и он успокоился.

– Ты вообще откуда?

– С Майской.

– С Майской!?! – удивленно переспросил он.

Майская в нашем городе считалась улицей жульнической и бандитской.

– Кого с Майской знаешь? Терять мне было нечего, и я назвал пару-тройку авторитетных имен, хотя не имел никакого представления, как выглядят их хозяева. Уркаган еще больше смягчился.

– То-то же. А теперь вали отсюда, ты нам не нужен.

Скинув халат, я ломанулся из подвала. На улице было тепло и солнечно. Май месяц густо зеленел. Присев на корточках недалеко от приемки, я закурил и стал ждать. Ждать пришлось недолго. Минут через пять налетчики вышли из подвала. Грек был с ними. Он закрыл приемку и двинулся в сторону магазина. Проходя мимо, он незаметно кинул мне связку ключей.

– Спрячь, и двигай домой. – прошептал он.

– А ты куда?

Грек сплюнул и выругался.

– За водкой.

Я двинул домой и уже через десять минут был на таком расстоянии, что никакие Буньги при всем желании не смогли бы меня достать. На следующий день, ровно в девять утра я стоял перед дверями приемки и с удивлением рассматривал прикрепленный к ней кусок картона. На нем Витькиной рукой было написано: «Уехал на похороны.»

«Похоже на предсмертную записку», подумал я. Грек появился часов в одиннадцать. Судя по его виду, он всю ночь пил.

– Все, увольняюсь. – вместо приветствия изрек он.

– Что вдруг?

И Грек поведал мне окончание вчерашней истории. Братва загрузила его на четыре бутылки водки. Всего-то. Он им выставил две.

Я только присвистнул. Оказывается, даже свое здоровье

он ценил ниже денег, мало того, он этот литр с ними же и распил.

– А чего ты уволиться-то решил? – честно говоря, я был сильно удивлен, узнав о Витькином желании уйти с такого доходного места.

– Они теперь от меня не отстанут.

– Да брось ты.

– Точно говорю.

– И куда ты теперь? – Летом устраиваться не буду. До осени порыбачу (он был заядлый рыбак), денег хватит, а там видно будет.

Прощавшись, он двинулся к трамвайной остановке. Я полез в карман за сигаретами и обнаружил там связку ключей. По инерции хотел окликнуть Грека, но вовремя вспомнил, что ключи ему больше не нужны. Грек тем временем завернул за угол дома и, хотя живу я на Майской, а он на Проспекте, больше мы с ним никогда не виделись.

Так я стал приемщиком. Прошло чуть больше года и канули в лету Мишка Баймаков, водочники Дамир Танцор, Олежка Дуров, пивники Фантик и Булат. Но свято место пусто не бывает. Появились Вовка Чудилин, Юрка Граф, Леха Азбука и Леха Пантелей. На целых шесть лет они стали моими коллегами по работе, партнерами в картах, соратниками в драках, собутыльниками в пьянках, короче, друзьями. Да, веселые были времена!

Юлька

С Юлькой меня познакомила Наташка. В тот весенний вечер мы с Пантелеем пили водку. Был конец смены и желающих сдать бутылки давно уже не было, поэтому я сильно удивился услышав девичий голос.

– Хозяин, какие бутылки принимаешь?

Я нехотя вылез из – за перегородки, отделяющей нас от посторонних взоров, и увидел улыбающееся Наташкино лицо.

– Привет! Заходи – пригласил я.

– Зайду. Только я не одна.

Так я впервые увидел Юльку. Я никогда не умел описывать людей и всегда удивлялся тому, как это народ составляет фотороботы, но Юльку, коль скоро о ней зашла речь, попробую описать. На вид ей было лет семнадцать – восемнадцать. Шатенка, волосы короткие.

Лицо по-детски пухловатое, глаза голубые, носик маленький, аккуратный. Губы? Губы как губы. Фигурка плотная, но стройная. Грудь третьего размера (с грудью, как выяснилось потом, я угадал.) Ножки прямые. За внешность я мысленно поставил ей четверку с плюсом, даже с двумя. Второй плюс за то, что на поверку она оказалась веселой и компанейской. Со спиртным время течет незаметно, а в женской компании тем более. Не успели мы оглянуться, как на улице

окончательно стемнело, и в голову начали приходиться мысли о ночлеге. У меня и Пантелея подходящих мест на примете не было, но девчонки взяли все в свои руки. Так мы оказались в полупустой электричке,двигающейся в сторону деревни Жуково, где у Юльки, по ее словам, жили какие-то родственники. До места мы добрались без происшествий, если не считать того, что отяжелевший от водки Пантелей упал, споткнувшись об какую-то корягу. При чем упал на меня, тоже не очень трезвого. Мало приятного, если учесть, что в свои неполные девятнадцать лет Пантелей имел сто девяносто сантиметров роста, а вес сто килограмм. Но дураков и пьяных Бог оберегает с особой тщательностью, поэтому обошлось без увечий. Не вру. Да что там говорить. Я знал одного человека, который упал с седьмого этажа и отделался лишь сломанной челюстью. Думаешь, он был трезвый? Черта с два! Когда он очнулся и решил идти домой, его забрали в вырезвитель.

Честно говоря, Юлькиных родственников я не помню, но приняли нас по-деревенски радушно. После короткого ужина нас уложили спать. Меня с Юлькой на полу, Пантелея с Наташкой на единственной свободной кровати. Прижавшись к Юлькиному теплему боку, я мгновенно отключился.

Проснулся я среди ночи от холода. Ковер снизу и тонкое покрывало сверху отказывались греть мое тело. Но это были пустяки по сравнению с тем, что рядом со мной лежала, как мне показалось, не Юлька, а Наташка. Замерзший, похмель-

ный и ошалелый я потряс ее за плечо.

– Наташка, это ты? – прошептал я в темноту.

– Я.

– А Юлька где?

Раздался тихий смешок.

– К Пантелею ушла.

– Вот сука! – вознегодовал я.

– Ты чего не спишь? – спросила Наташка, – замерз?

– Есть немного.

– Погоди, я сейчас.

Шлепанье босых ног в темноте, бульканье, и в моей руке, как я определил на ощупь оказался граненый стакан, судя по запаху, с водкой. Пока я вливал в себя спасительное содержимое, Наташка внаглую сдернула со спящих на кровати ватное одеяло.

– Ой! – донеслось до меня.

– Ты чего?

– Пантелей голый.

«Странно» – подумал я «Наташка – Пантелеевская подруга, а еще ойкает.» Но водка и теплое одеяло сделали свое дело и я снова уснул, не доведя свои мысли до логического завершения. Снов не было.

– Подъем! – услышал я и открыл глаза.

Светало. Пантелей похмелялся, полуодетая Наташка сидела на кровати, Юлька лежала рядом со мной.

– Что за херня? – спросил я, уставившись на улыбающуюся

юся неизвестно чему Юльку. – Ты че творишь?

– Наташка, это ты? – передразнила меня Юлька – пить меньше надо.

– Да ты что, за лоха меня держишь!?! – заорал я, но осекся.

– А кто у нас одеяло ночью дернул? – спросила Наташка.

Так у нас с Юлькой и замутилось.

Мы встретились с ней через два дня, вернее не встретились, а она сама пришла ко мне в приемку. Был самый разгар рабочего дня. Посуда звенела, купюры шуршали, очередь, которой не видно было ни конца, ни края, злобно переругивалась.

– Я не вовремя? – спросила Юлька, оценив обстановку.

– Нормально. В это время всегда так – я подтолкнул ногой стоявший рядом со мной стул – Присаживайся.

Юлька присела.

– У тебя курить можно?

– Кури.

Она закурила, и все время пока я «раскидывал толпу», я чувствовал на себе ее улыбчивый изучающий взгляд. Очередь не уменьшалась, но я не унывал. Больше народа, больше денег (я хорошо усвоил уроки Грека.) Больше денег, веселее жизнь.

– А ты что, и грязную посуду принимаешь? – зажатой в пальцах сигаретой Юлька показала на отдельно стоящий ящик с посудой.

– Нет. Это нашего главбуха посуда, а с бухгалтерией я

не ссорюсь. Потом попрошу кого-нибудь помыть.

Юлька поднялась со стула.

– Давай я помою, – неожиданно предложила она.

– Ты серьезно?

– А что такого?

– Уборщицу попрошу, она помоег.

– Без уборщицы обойдусь.

– Да брось ты.

– Вымою, тогда брошу. Принеси лучше воды и тряпку какую-нибудь.

– Ну смотри. Пять минут перерыв – обрадовал я очередь. – Пойду деньги разменяю.

– Ну, вот.

– Как всегда.

– Вечно у них денег нет.

– Да за водкой он побежал.

– Нет, баба к нему пришла.

– Это кто там вякает? – рявкнул я – сейчас вообще приемку закрою.

Реплики оборвались, воцарилась тишина, и лишь чей-то старческий голос примиряюще пролепетал:

– Иди, иди сынок, мы подождем.

Бунт был подавлен. Через пять минут перед Юлькой стояло ведро с водой, тряпка, бутылка пива и пачка Мальборо.

– Не передумала еще?

– Нет, иди открывай свою богадельню, а то уже в дверь

барабанили.

Продолжив работать, я краем глаза наблюдал за Юлькой. Ничего не скажешь, девушка старалась. Вымыв очередную бутылку, она смотрела сквозь нее на свет, терла своим пальчиком бутылочные бока и, если извлекаемый звук ее удовлетворял, с улыбкой отставляла в сторону. Минут через сорок она закончила работу, и я, глядя на сверкающий бутылочный отряд, к ее достоинствам – веселая и компанейская, мысленно добавил: покладистая.

День закончился дракой. Для тех времен и для таких мест как приемка или пивнушка, явление частое и ничего не удивляющее. Приемщики дрались со сдатчиками, водочники и пивники с покупателями, а объединившись, и те и другие дрались со шпаной, урками и прочими вымогателями. Существует ошибочное мнение, что барыга – это толстый, рыхлый пугливый мужичок, покрывающийся потом при виде всякого рода блатоты. Неправда это. Барыги из тринадцатого магазина были стройны, мускулисты и спортивны.

К тому же все до одного мало-мальски рубили в босяцких понятиях. Конечно, когда дело принимало серьезный оборот, привлекалась «крыша», но на моей памяти таких разборок не было, поэтому справлялись своими силами.

Я уже собирался закрывать приемку, когда в окошке появилась усатая морда какого-то мужика.

– Привет. – процедил он.

– Привет.

– Я тебе недавно бутылки сдавал.

– Ну и дальше.

– Ты мне денег недодал, – он назвал сумму.

– Это сегодня было?

– Нет. На той неделе.

Я зло рассмеялся. В людях меня всегда поражала и бесила глупость и надежда на чудо. Ну, ладно, если это была бы какаянибудь-бабка пенсионерка или алкоголик. Им прости-тельно. Но передо мной стоял здоровый сорокалетний лоб, по лицу и одежде которого было видно: работающий и не бухающий. Помня уроки Грека, такого я не стал обсчитывать, даже если бы умирал с голоду и похмелья одновременно. Да, сам того не желая, я мог обсчитаться, но не на такую сумму.

– А что ты через месяц не пришел? – я начал закипать.

– А ты что меня не помнишь?

– А кто ты такой, чтобы я тебя помнил? Вас тут каждый день толпа.

– Значит не отдашь денег? – в его голосе я услышал угрозу.

– Я у тебя не занимал, чтобы отдавать. «Деньги считать, не отходя от кассы» – для кого написано? А ты через неделю пришел и еще чего-то хочешь. Давай, вали отсюда.

Голос мужика залязгал как затвор автомата Калашникова.

– Ты ответишь за это.

– Конечно отвечу. Я тебе письмо напишу, а если хочешь побыстрее, то телеграмму «Молнию» Ты чё, сука хочешь?

Я выскочил в предбанник и прямым коротким зарядил мужику в зубы. Брызнула кровь. Мужик оказался не только здоровым, но и не робким. В ответ он засветил мне в левый глаз. Я двинул ему в челюсть и получил в правый. Мы сцепились. На нем затрещала рубашка. Руки были заняты, но я изловчился и пнул его в пах. Он охнул, но устоял. Я повторил удар, но мужик увернулся. С полминуты мы кружили по предбаннику и ударяли друг друга об стены. В конце концов, оба устали.

– Может хватит, – прохрипел мужик, – отпусти.

– Сейчас я тебя отпущу, сейчас ты у меня, сука...

Но, честно говоря, продолжать не особо хотелось. Вот тут-то мужик и рухнул. Бутылка из – под шампанского обрушилась ему на голову и издала ни с чем не сравнимый звон. Это была Юлька! Кто же это ещё мог быть. В Юлькино карманное зеркальце я рассматривал свое пострадавшее лицо. Как сказали бы врачи, гематом нет, но от ударов, видно полопались глазные капилляры и белки стали кроваво – красными. В сердцах сплюнув, я вернул зеркало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.